

УДК 808.5:811.161.1(476.5)

*Л.П. Новикова,
аспірант кафедры общего и русского языкознания
ВГУ им. П.М. Машерова*

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ В БЕЛАРУСИ: ЯВЛЕНИЯ УЗУАЛЬНОЙ НОРМЫ И ЯЗЫКОВЫЕ ОШИБКИ В УСТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ (г. Витебск)

Говоря о важности изучения устной формы существования языка, А.Ф. Журавлев отмечал, что языковая коммуникация, опосредованная письмом и подчиняющаяся нормам письменной речи, не только является вторичной по отношению к устной коммуникации, но и находится на периферии употребления языка, так как подавляющая часть текстов не пишется, а артикулируется человеком, и еще больше, чем говорит, человек слушает и слышит [1]. Сегодня в условиях интенсификации информационно-коммуникативных процессов исследование особенностей речи устных сфер коммуникации, явно доминирующих над письменными, становится особенно актуальным.

В лингвистической литературе общее разделение устной речи на типы во многом определяется характером и ролью адресата. Так, Е.А. Земская выделяет два подвида публичной коммуникации: 1) массовую (радио, телевидение и т. д.), имеющую безличного, массового адресата, и 2) коллективную (лекция, доклад, выступление на собрании, конференции и т. д.), характеризующуюся наличием конкретного коллективного адресата. В связи с этим говорится и о двух подвидах публичной речи: массовой и коллективной [2]. Исходя из представленной точки зрения объектом изучения в данной работе является коллективная устная публичная речь (УПР) работников сферы образования г. Витебска, представляющая собой устную реализацию кодифицированного литературного языка [3].

Очевидно, что профессиональная речь особенно важна для тех, кто работает с людьми: преподавателей вузов, школьных учителей и других работников различных звеньев учреждений образования. Повышенные требования, предъявляемые именно к их речевой деятельности, объясняются самой спецификой данных профессий, которая заключается в постоянной организации продуктивного общения и, следовательно, предполагает наличие высокого уровня коммуникативных умений. Так, В.Д. Стариченок отмечает, что «современный педагог должен считать речевую культуру неотъемлемой частью педагогического мастерства» [4, с. 4]. Целью нашего исследо-

вания является изучение особенностей русской УПР работников сферы образования г. Витебска с точки зрения ее соответствия нормам литературного языка в рамках произносительного, лексического и грамматического аспектов, а также выявление специфических характеристик данной речи, в том числе обусловленных близкородственным двуязычием.

Как подчеркивает Е.Н. Ширяев, «культура пользования устной кодифицированной речью заслуживает самого пристального внимания» и особого подхода, что предполагает разграничение в этой разновидности литературного языка «закономерностей и ошибок» [3, с. 12]. В данном исследовании предпринята попытка проанализировать в УПР два вида отклонений от кодифицированной общелитературной нормы русского языка: 1) отклонения, являющиеся фактами узуральной (некодифицированной) устно-литературной нормы, характерными для данного вида речи; 2) отклонения, представляющие собой языковые ошибки. С учетом специфики настоящего научного исследования, проводимого в условиях контактирования и взаимодействия двух близкородственных языков, отдельно представлены отступления от кодифицированной общелитературной нормы, обусловленные интерференцией белорусского языка.

Материалом исследования послужили фрагменты русской УПР лиц с высшим образованием, записанные на различных собраниях, советах, заседаниях и конференциях. Все респонденты (54 человека) являются работниками различных учреждений образования города Витебска: высших учебных заведений, средних школ, центров развития детей и др. При проведении исследования были использованы метод анализа персонифицированных текстов, метод лингвистического описания, а также количественный метод.

Как известно, признак подготовленности / неподготовленности устной речи не имеет абсолютного характера и может изменяться по шкале, полюсами которой считаются речевымпровизация (речь на неизвестную заранее тему) и речь полностью подготовленная (она не производится, а воспроизводится: записа-

на и читается или выучена наизусть) [2]. Следовательно, между этими полюсами существует много промежуточных ступеней. Вместе с тем, по мнению О.А. Лаптевой, тезис о различиях подготовленной и неподготовленной устной речи действителен только в отношении особенностей содержательного плана, так как «в устном монологическом сообщении может подготавливаться разработка темы, план отдельных положений, но не речевые средства в их совокупности, которые, будучи устно произнесены, в полной мере сохраняют свою спонтанность» [5, с. 28]. Подчеркнем, что проанализированные нами фрагменты УПР представляют собой речь заранее продуманную, но не читаемую с листа.

В первую очередь при изучении устной речи привлекает внимание произносительный аспект. Как подчеркивает В.Д. Стариченок, задачей каждого культурного человека является постоянное обращение внимания на правильность произношения и постановки ударения, так как любое отклонение от орфоэпических норм отвлекает внимание аудитории, мешает восприятию смысла и создает негативный психологический фон [4]. Данное утверждение представляется особенно актуальным для работников сферы образования.

На фонетическом уровне фактами узуальной (некодифицированной) устно-литературной нормы, характерными для современной УПР, можно считать выявленные в речи 45 % респондентов многочисленные случаи усиления звуковой редукции, пропуска звуков и слогов. Например: *проводятся* [пр^войць], *Витевского* [в'ит'ьскъвь], *сказать* [ск^ат] и т. д.

Отступления от кодифицированной нормы на фонетическом уровне, квалифицируемые как языковые ошибки, отмечены в речи 29 % респондентов. Так, среди орфоэпических нарушений, выявленных в речи 17 % респондентов, наиболее привлекают внимание следующие случаи, отражающие колебания произносительной нормы: [пр^йэкт] (вместо [пр^экт]) (зафиксировано у 5 респондентов), [тэ^рм'ин] (вместо [т'э^рм'ин]) (отмечено у 3 респондентов). Видимо, произношение двух звуков на месте буквы е в слове *проект* обусловлено влиянием белорусского языка.

В области акцентологии можно привести следующие примеры нормативных нарушений, зафиксированных у 16 % респондентов: *обеспечение* (правильно *обеспечение*) (выявлено у 3 респондентов), *была* (правильно *была*), *принял* (правильно *принял*) и т. д. По мнению О.Б. Сиротининой, ненормативный акцентологический вариант *обеспечёние* «придется кодифицировать», так как «в речи

подавляющего большинства людей, во всем остальном соблюдающих кодифицированные нормы и полностью соответствующих элитарному типу речевой культуры, наблюдается подобное произношение» [6, с. 27]. Таким образом, в данном случае также существует явное колебание нормы.

Многие нарушения правил орфоэпии объясняются русско-белорусским билингвизмом: в речи 25 % респондентов отмечена фонетическая интерференция. Наиболее распространенными ее случаями являются следующие: 1) подмена смычного согласного [г] фрикативным [у] (*группа* [уруппь], *говоришь* [уъв^р'иш], *коллеги* [к^л'э'у]); 2) произношение твердого [ч] на месте [ч'] (*обучаются* [^бучайуц'ь], *изучение* [изучэ^н'ийь], *научных* [н^учных]). Имеются также случаи произношения на конце слов специфического белорусского звука [ў] на месте [ф] (*выпускников* [выпускн'икоў], *фактов* [факт'эў], *документов* [дъкум'энт'эў]), твердого [р] на месте [р'] (в сфере [ф_сф'эръ], *безбарьерная* [б'эзб^рйэ^рньийь]), а также употребления долгого [ш:] вместо долгого [ш':] (*воплощение* [въплл^ш:э^н'ийь], *общество* [опц':ьств'ь], *посвященные* [п'ьсв'иш:о^н'ийь]). Результатом фонетической интерференции можно считать также ошибочную для русского языка акцентологическую форму *проведено* (правильно *проведено*).

На лексическом уровне выделяются следующие характерные для русской УПР жители Беларуси явления, отмеченные в речи 76 % респондентов: 1) немотивированные лексические повторы; 2) синтаксический повтор; 3) разговорные лексические единицы; 4) самопоправки и подбор слова.

В исследуемом материале отмечены разного рода немотивированные лексические повторы, которые отражают несоблюдение литературных требований к стилистически грамотно организованному употреблению слов в высказывании. Основная причина лексических повторов – нехватка времени для поиска синонима уже сказанному слову, а также тот факт, что синоним может быть менее узуальным [7]. Следовательно, данные отклонения также можно отнести к фактам узуальной (некодифицированной) устно-литературной нормы, характерным для УПР. Приведем примеры различных случаев немотивированных повторов, выявленные у 50 % респондентов: 1) повтор слова: *как только лицензия на данный тип оборудования появится, сразу же у вас появится Интернет; складывается впечатление именно о вашей работе именно по качеству оформления той отчетной документации;* 2) повтор служебного слова:

система образования, **которая** давала такие кадры, **которые** у нас здесь потом все расхватывались; **потому что** мы уже не можем увеличить количество тиражирования в редакционно-издательском центре, **потому что** вышли на мощность РИПЦ; 3) повтор однокоренных слов: **необходимо отметить**, что за пять лет **отмечается** тенденция; университет, в котором **выпускают выпускников**; 4) простой повтор (оба слова занимают одну синтаксическую позицию и имеют одинаковую форму): **принял** за отчетный период **принял** участие в двух конференциях; **это** уже, наверно, нашим детям можно **это** объяснить. Последняя группа связана с сегментацией речевого потока, когда и говорящий и слушающий, производя и воспринимающая речь по отрезкам, могут забыть предшествующую моменту речи часть высказывания, и говорящий произвольно повторяет ее.

Синтаксический повтор, выявленный у 13 % респондентов, представляет собой контактное повторение уже произнесенного сегмента или слова и имеет синтаксическую функцию: актуализировать уже сказанное и создать «словесную стартовую площадку для последующей части высказывания, которую надо еще успеть оформить», не прибегая к длительной паузе [7, с. 194]. Таким образом, выполняя речеформирующую функцию, такой повтор подобен паузе хезитации: произносится на понижении тона, быстрее и тише основной части высказывания. Например: *вот тот вопрос, который / который нас с вами не может не волновать*.

Одним из основных принципов употребления слова в устной речи является также речевая экспрессия, создающаяся желанием говорящего сделать свою речь убедительной, живой и эмоционально окрашенной [7]. Несмотря на официальный характер и общественно значимую тематику изучаемой нами публичной речи, в ней также отмечены (у 20 % респондентов) различные экспрессивные элементы, часто встречающиеся в разговорной речи и выступающие в ней как явление узальной нормы. Например: 1) уменьшительные образования (при отсутствии значения уменьшительности): *заявочка* вашего проекта; у вас есть *флешечка*, *листки*, *бумажки*; получают *программочку* и сборник и т. д.; 2) разговорная лексика и фразеологизмы: *шустрики*; в *загашнике*; *всякие такие мелкие подводные течения*; *моя твоя не понимает*; *буквально за ручку ведем* и т. д. По мнению Ю.А. Бельчикова, «фактор “устности”», объединяющий разговорную речь и УПР в общую устно-разговорную сферу литературного языка, позволяет

считать разговорные элементы в текстах УПР нечужеродными для нее» [8, с. 341].

Часто говорящие по ходу речи пытаются найти соответствующий их замыслу вариант выражения. Так появляются различные самопоправки, выявленные в речи 35 % респондентов. Например: *она учит детей / приобщает детей к диалектическому мышлению; эта работа является самостоятельной / самостоятельно выполненной научной работой* и т. д. Иногда подбор слов непосредственно в момент выступления сопровождается вводными конструкциями типа «как назвать» или «как сказать». Например: *курс основан именно на том, чтобы (ну как сказать?) меньше / на воспитание ребенка затрачивалось меньше вот таких вот сил плачевных; сколько учебных заведений, школ или (как их назвать?) отделений в республике занимаются специальным образованием*.

Нормативные нарушения на лексическом уровне, представляющие собой языковые ошибки, отмечены у 44 % респондентов. Данные отступления отражают действие таких ведущих принципов устной речи, как преобладание смысла над формой высказывания, языковая экономия и языковая избыточность. Среди них можно выделить следующие группы наиболее распространенных нарушений: 1) неточное употребление слова: *какие вы условия дома принимаете для безопасности вашего ребенка* (вместо *создаете*); 2) избыточный лексический элемент (в том числе, и слова-«паразиты»): *воспитательную среду формируют это курсы и проекты; в рамках союзного государства, я ж говорю, что, Беларусь и России как раз было бы, я ж говорю, что, очень интересно*; 3) отсутствие слова: *это обозначает, что за дверь [нужно] браться аккуратно; инициатором развертывания которой в городе Витебске [является] наш университет*.

Следует особо отметить случаи употребления в УПР словообразовательных окказионализмов терминологического характера: *соцгум* (социально-гуманитарные науки) и *соцгумовцы* (специалисты в области социально-гуманитарных наук).

Грамматические нарушения в русской УПР работников сферы образования г. Витебска можно разделить две основные группы: 1) нарушения на уровне словосочетания; 2) нарушения на уровне высказывания.

Выявленные на уровне словосочетания отклонения от кодифицированной общелитературной нормы русского языка представляют собой языковые ошибки. Так, на уровне словосочетания не всегда правильно реализуется

ся в УПР связь согласования, так как говорящий прежде всего стремится к речевому воплощению смысла и уже затем следит за формой, а речевой автоматизм срабатывает не всегда. Приведем примеры случаев нарушения согласования, отмеченные у 11 % респондентов: *соответствует требованиям, которые предъявляет комиссия к диссертационным работам кандидатских; в той же группе; какой-то резкий, большой подвиг, изменений нет* и т. д.

Отдельную группу нормативных нарушений на уровне словосочетания составляют выявленные у 7 % респондентов ошибки в употреблении падежных форм числительного. Данные нарушения определяются Г.П. Нецименко как «диагностические», так как, имея массовый характер, они фиксируют напряженные места в существующей кодификации литературного языка и сигнализируют о происходящих изменениях в норме [9]. Приведем примеры из проанализированного материала: *осмотр четырех тысяч пятьсот тридцати одного студента; около одного миллиона двести тысяч рублей* и т. д. Кроме того, выявлены случаи ненормативного употребления порядковых числительных в конструкциях, выражающих временное значение. Например: *с девятого по четырнадцатого мая*.

Привлекают внимание и зафиксированные в речи 18 % респондентов нарушения норм управления, связанные с выбором нужной падежной формы для зависимого компонента словосочетания. Например: *встреча посвящена безопасности наших детей, формирования навыков безопасного поведения; можно оформить как научным консультантом; согласно нормативного документа* и т. д.

На уровне высказывания к основным фактам узуальной (некодифицированной) устно-литературной нормы, характерным для современной УПР, можно отнести конструкцию именительного темы и вопросительную конструкцию с дополнительной фразовой границей.

Конструкция именительного темы, широко представленная в исследованном материале, считается типизированной устно-разговорной конструкцией и имеет различные модификации. Как отмечает О.А. Лаптева, наиболее широко в публичной речи распространена модификация, характеризующаяся безглагольной группой именительного и местоименным коррелятом в именительном падеже [7]. Данный факт подтверждается и в нашем исследовании: у 25 % респондентов зафиксировано использование указанной конструкции. Например: *оборудование, которое поставилось в Республику Беларусь, оно снято с серти-*

фикации; формальные какие-то критерии они всегда существовали; дети с нарушениями развития, обучающиеся в общеобразовательных школах, они имеют возможность получить педагогическую помощь и т. д.

Выявлен также случай отклонения от эталона модели именительного темы: *детям босиком просто им туда вход запрещен* (вместо группы именительного употреблена группа косвенного).

В проанализированных фрагментах УПР привлекает внимание и вопросительная конструкция с дополнительной фразовой границей, также являющаяся типизированной разговорной конструкцией [7]. Например: *это система, да? которая включает многие понятия; на воспитание ребенка затрачивалось меньше вот таких вот, да? сил плачевных* и т. д. Очевидно, что это не вопросы (для них не существует условий в монологической речи), а утверждения с вопросительной частицей. Подобные конструкции зафиксированы у 13 % респондентов.

Нарушения кодифицированной синтаксической нормы на уровне высказывания, представляющие собой языковые ошибки, можно разделить на следующие основные группы: 1) слом первоначальной синтаксической структуры высказывания и его завершение другой структурой; 2) незавершенность синтаксической конструкции; 3) ошибки в координации подлежащего и сказуемого.

Распространенным нарушением кодифицированной синтаксической нормы в русской УПР жителей г. Витебска является слом первоначальной синтаксической структуры высказывания и его завершение другой структурой, что может затруднять восприятие смысла. Данное отступление зафиксировано в речи 28 % респондентов. Например: *десять иногородних студентов на время учебы представлены места в общежитии; литературы по научному творчеству посвящено много работ; то большое количество мероприятий, которое проходит в университете, кроме этого где-то около двадцати выездов еще и в районы* и т. д. Слом первоначальной синтаксической структуры высказывания может происходить в результате контаминации типичной книжно-письменной конструкции «N1 – это N1» с другими синтаксическими структурами: «N5 является N1», «N4 составляет N1» и др. Например: *первую группу – это абсолютно здоровые студенты* (вместо *первую группу составляют абсолютно здоровые студенты*); *одной из главных причин – это низкая заработная плата* (вместо *одной из главных причин является низкая заработная плата*) и т. д.

Незавершенность начатой синтаксической конструкции отмечена у 13 % респондентов. Например: *и мне хотелось бы / вы знаете, очень хорошие слова в конце сказал ваш председатель; вот я веду параллельно в средней группе, но мы уже были / дети уже моделируют* и т. д.

Приведем примеры, где нет синтаксического слома, однако наблюдается смысловое несоответствие частей высказывания и нарушается восприятие речи: *когда вы подаете, до тридцати пяти лет должно быть молодому ученому* (имеется в виду, что возраст того, кто подает документы, не должен превышать тридцати пяти лет); *какие мы в их возрасте детям пытаемся привить навыки* (имеется в виду возраст детей). Искажение смысла может происходить и при нарушении порядка слов: *если засунуть руку в дверь или баловаться с дверью, можно прищемить ее*.

В речи 11 % респондентов зафиксированы также нарушения связи координации подлежащего и сказуемого в формах числа: *прошло ряд мероприятий; как воспринимается разные формы; будет функционировать и дополнительно услуги* и т. д.

В целом, грамматические нарушения, представляющие собой языковые ошибки, выявлены у 57 % респондентов.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие основные выводы:

1. Русская УПР работников сферы образования г. Витебска характеризуется наличием фонетической интерференции, выявленной у 25 % респондентов, а также отсутствием интерференции на лексическом и грамматическом уровнях. Возможно, дальнейшее более глубокое исследование отдельных явлений фонетической интерференции позволит квалифицировать их как явления узуальной устно-литературной нормы русского языка в Беларуси.

2. Наиболее многочисленные отклонения, представляющие собой языковые ошибки, отмечены на лексическом и грамматическом уровнях (у 44 и 57 % респондентов соответственно), что свидетельствует о необходимости повышения общей языковой компетенции работников сферы образования г. Витебска, то есть лиц, вербально активных в сфере публичной коммуникации и во многом формирующих речевую культуру общества.

3. В проанализированных фрагментах УПР зафиксированы разнообразные отступления от кодифицированной общелитературной нормы, представляющие собой факты узуальной (некодифицированной) устно-литературной и в ее составе устно-разговорной нормы, что подтверждает основную тенденцию раз-

вития СРЛЯ: расширение сферы распространения разговорной речи.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы на занятиях по культуре речи и риторике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлев, А.Ф. Опыт количественно-типологического исследования разновидностей устной речи / А.Ф. Журавлев // Разновидности городской устной речи: сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1988. – С. 84–102.
2. Земская, Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения / Е.А. Земская // Разновидности городской устной речи: сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1988. – С. 5–44.
3. Ширяев, Е.Н. Культура речи как особая теоретическая дисциплина / Е.Н. Ширяев // Культура речи и эффективность общения; отв. ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. – М.: Наука, 1996. – С. 7–40.
4. Стариченок, В.Д. Деловое общение и речевая культура современного преподавателя / В.Д. Стариченок. – Минск: БГПУ, 2010. – 260 с.
5. Лаптева, О.А. Современная русская публичная речь в свете теории стиля / О.А. Лаптева // ВЯ. – 1978. – № 1. – С. 18–37.
6. Сиротинина, О.Б. Основные критерии хорошей речи / О.Б. Сиротинина // Хорошая речь / О.Б. Сиротинина [и др.]; под ред. М.А. Кормилициной и О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – 320 с.
7. Лаптева, О.А. Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте / О.А. Лаптева. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 520 с.
8. Бельчиков, Ю.А. Взаимодействие функциональных разновидностей языка / Ю.А. Бельчиков // Культура речи и эффективность общения; отв. ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. – М.: Наука, 1996. – С. 335–356.
9. Нецименко, Г.П. Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций / Г.П. Нецименко; Ин-т славяноведения. – М.: Наука, 2003. – 279 с.

SUMMARY

The article is devoted to the relevant issue of Russian speech culture in the environment of close family bilingualism. The aim of the investigation is to study the characteristics of Russian oral public speaking in educational sphere of Vitebsk from the point of its conformity with the norms of literary language in pronouncing, lexical and grammatical aspects and to identify the specific peculiarities of this speech. Two types of deviations from the codified norms of Russian language with their analysis have been presented in the article: 1) the deviations representing the facts of usage (uncodified) oral-literary norm; 2) the deviations qualified as language mistakes. Special attention is paid to the deviations conditioned by the interference of Belarusian language. The findings of the study can be used during the studies in speech culture and oratory.

Поступила в редакцию 13.01.2014 г.